

2. Кароткі нарыс гісторыі міліцыі 1917–1927 / пад рэд. Сташэўскага. – Менск, 1927. – 228 с.

3. История советского государства и права : в 3 кн. / под ред. А.П. Косицына. – М. : Наука, 1968. – Кн. 1. – 607 с.

Дата поступления в редакцию: 10.03.21

A.V. Veniosov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE LEGAL BASIS OF THE ORGANIZATION OF THE BSSR POLICE IN 1920–1934

The article is devoted to the study of the problems of formation of the legal foundations of the activities of the BSSR militia in the 1920-1930s. The article analyzes the first national regulations governing the structure and legal status of the BSSR militia. At the same time, special attention is paid to the study of the problem of the formation of the militia as a militarized body, with certain rights and responsibilities.

Keywords: Glavmilitsiya, NKVD, UKRM, Police and Criminal Investigation Directorate, militaryization.

УДК 340.1

А.Ф. Вишнеvский, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь;

М.А. Пашкеев, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА О ПОНЯТИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

На основе краткого историографического обзора и осмысления проблемы понятия и классификации правовых систем современности в теоретической юридической науке обращается внимание на необходимость различения «правовой системы» и «системы права» по содержанию и значимости в правовом регулировании общественных отношений. Рассматриваются основные черты не всех правовых систем (семей), а лишь наиболее крупных: романо-германской и англосаксонской, а также мусульманского права, входящего в семью религиозно-традиционного права. Сделан вывод о том, что в настоящее время в условиях глобализации между правовыми системами (семьями) идет постоянный процесс взаимообмена и взаимовлияния, что, однако, не является свидетельством элиминации культурно-исторических границ основных правовых цивилизаций.

Ключевые слова: правовая система, система права, закон, судебный прецедент, рецепция.

В постоктябрьский период правоведы чаще всего не уделяли должного внимания вопросам классификации (типологии) правовых систем современности. «Чисто научные проблемы ... отошли на задний план, а само сравнительное правоведение превратилось в «контрастирующую», «противопоставительную» науку, отрицающую все новое, передовое, что только не являлось «социалистическим»» [1, с. 4]. Именно поэтому сравнительно-правовая наука (компаративистика), как и иные научные направления, была ориентирована прежде всего правящей политической партией на службу коммунистической идеологии. И только после распада СССР сравнительное правоведение вышло на новый доктринальный уровень, и сейчас от него ждут предложений, которые помогли бы совершенствованию проводимых реформ в сфере регулирования общественных отношений. Это явилось одним из важнейших факторов того, что вопросы классификации современных правовых систем в последние три десятилетия в отечественной юридической литературе стала занимать достойное место.

Если говорить об историографии проблемы, важно отметить, что одним из наиболее авторитетных специалистов в рассматриваемой области юридического знания является французский ученый Рене Давид [2, 3]. Именно он заложил основы комплексного изучения правовой картины современного мира. Блестящая эрудиция, глубина научного обобщения, гуманные социальные

позиции автора делают его работы интересными для ученых-юристов, преподавателей, студентов и всех, кто постоянно находится в поиске правовых знаний.

В Республике Беларусь вопросы общей характеристики и классификации современных правовых систем являются предметом исследования многих ученых-правоведов (Г.А. Василевич [4], А.Ф. Вишневский [5, 6], А.И. Зыбайло [7], А.В. Егоров [8, 9], В.А. Кучинский [5], Н.В. Сильченко [10] и др.). Наиболее существенный вклад в изучение проблем сравнительного правоведения внес А.В. Егоров, который исследовал теоретико-методологические основания сравнительного правоведения; дал характеристику белорусской правовой системы на фоне современной юридической картины мира; подготовил и издал в 1999 г. первое учебное пособие «Основы сравнительного правоведения».

В современной юриспруденции наряду с понятием «правовая система» используется понятие «система права», их необходимо различать по содержанию и по значимости в правовом регулировании общественных отношений. Если система права как правовое явление представляет собой внутреннее строение объективного права, характеризующегося наличием и взаимосвязью его элементов (нормы, институты, отрасли), то правовая система наряду с системой права включает в себя многие другие компоненты, играющие специфическую роль в правовом регулировании: юридическую практику (практика правотворчества, систематизация законодательства, правоприменение), правоотношения, правосознание, правовую культуру, юридическую науку.

Система права сама по себе не дает полной картины формирования исторических и национальных особенностей, идеологической обоснованности, осуществления и тенденций развития правового регулирования общественных отношений. Правовая система охватывает весь комплекс юридических явлений общества и позволяет получить представление о правовой действительности в соответствующем государстве не только в их совокупности, но и во взаимодействии и взаимовлиянии. Следовательно, правовая система как понятие и явление шире, чем система права. «Если бы выражение «правовая система» было лишь простым синонимом «объективного права» или «позитивного права», – отмечал известный французский социолог права Ж. Карбонье, – то его значение было бы сомнительным» [11, с. 176]. Таким образом, правовую систему можно определить как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих юридических средств, обеспечивающих правовое регулирование общественных отношений и выражающих качественное состояние правовой организации того или иного общества. В этой связи Н.В. Сильченко говорит о том, что «адсюль вынікае тое, што адзіным метадалагічна правільным падыходам да разумення прававой сістэмы з'яўляецца аналіз генезісу права, яго станаўлення і функцыянавання» [12, с. 41].

Однако не все правоведы разделяют названную выше трактовку правовой системы в качестве позитивного правового понятия. В.С. Нерсисянц, в частности, полагал, что подобные трактовки подменяют общее понятие права неким довольно условным словосочетанием «правовая система». «Попытки такой подмены, – считает исследователь, – еще с советских времен преследовали цель под ширмой новых словообразований сохранить существо официального советско-легистского правопонимания и с помощью подобных словесных новаций всячески противодействовать уже сформировавшемуся в нашей науке юридическому (антилегистскому и антипозитивистскому) правопониманию [13, с. 450]. В этой связи необходимо отметить, что понятие правовой системы не дает оснований предполагать, что имеет место подмена общего понятия права неким условным словосочетанием. И суть дела не меняется, если даже понимать под правом некие его «антилегистские» или «антипозитивистские» трактовки. В данном случае, на наш взгляд, наблюдается стремление политическими средствами дискредитировать широко признанную и теоретически обоснованную юридическую категорию.

Конкретные правовые системы тех или иных государств формируются под воздействием различных объективных и субъективных факторов. На этот процесс оказывают влияние экономический строй, политическая система, господствующая идеология, нравственные устои, религиозные убеждения, юридическая наука, правовая культура и др.

Сегодня количество национальных правовых систем приблизилось к 200, своеобразных, но объединенных чем-то общим. Определенные общие черты позволяют объединять правовые системы в родственные группы – правовые семьи (имеют сходные юридические признаки) [5, с. 171].

В современной компаративистике используются различные критерии отнесения национальных правовых систем к определенным семьям. В первую очередь учитываются такие факторы, как общность исторического формирования и развития национальной государственности, сходство форм (источников) права, его структурных элементов (отрасли, институты), характерные особенности правореализации, роль юридической науки в правотворчестве и правоприменении, уровень правовой культуры, роль религии в правовом регулировании общественных отношений [5, с. 171]. С учетом указанных критериев характеристика правовой семьи может быть выражена в следующем определении: правовая семья представляет собой совокупность формально-правовых общностей источников и систем права определенных государств, понятийно-правового аппарата и соответствующих правовых доктрин (научных трактовок).

В доктринальном обосновании классификации правовых систем заслуженное признание получил подход западных компаративистов, отказавшихся от их типологии единственно по классовому признаку. Тем не менее придание первостепенного значения определенным факторам обусловило множественность таких классификаций. Одни авторы выделяют пять основных правовых систем (семей): англосаксонскую, романо-германскую, религиозно-правовую, социалистическую, систему обычного права. Другие различают четыре системы: англосаксонскую, романо-германскую, мусульманскую, социалистическую. Третьи выделяют всего три: англосаксонскую, романо-германскую, мусульманскую, а социалистическую обоснованно рассматривают как разновидность романо-германской правовой системы [14, с. 4].

Отдельные представители советской правовой науки утверждали, что только на основе сочетания марксистско-ленинской типологии и внутритиповой классификации правовых систем можно выработать целостное представление о правовой карте мира. С этих позиций наряду с семьей социалистического права предлагалось рассматривать внутри буржуазного типа права восемь правовых семей: романо-германскую, скандинавскую, латиноамериканскую, общего права, мусульманскую, индусскую, обычного права и дальневосточную [15].

Но наибольшее признание в современной юриспруденции получила классификация правовых семей, предложенная упоминаемым французским компаративистом Р. Давидом. Она основана на сочетании двух критериев: идеологии, охватывающей религию, философию, экономические и социальные структуры, и юридической техники, включающей в себя в качестве основной составляющей источники права. В итоге ученый выделяет три основные правовые семьи: романо-германскую, англосаксонскую и социалистическую. К ним примыкает фактически четвертая – «религиозные и традиционные системы» [2].

В рамках заявленной темы интерес представляют наиболее крупные правовые семьи: романо-германская, англосаксонская (англо-американская) и мусульманское право (входит в семью религиозно-традиционного права).

Семья романо-германского права сформировалась в западной части континентальной Европы (Германия, Франция, Италия, Испания и др.) в результате рецепции (восприятия) римского права. Она складывалась благодаря усилиям правоведов европейских университетов, в которых римское право изучалось с XII в. Именно в этих центрах на основе кодификации императора Юстиниана (VI в.) и под влиянием школы естественного права формировалась юридическая наука, отражавшая условия зарождавшихся рыночных отношений буржуазного типа.

Сам термин «континентальная система права» вошел в научный оборот сравнительного правоведения только в конце XIX в.

Романо-германская правовая семья на ее первой, доктринальной стадии развития непосредственно ассоциируется с Ренессансом (Возрождением), появившимся на рубеже XIII–XIV вв. сначала в Италии, а затем распространившимся на всю Западную Европу. Возрождение, символизировавшее собой обращение к культурному наследию Античности, проявляло себя во многих областях человеческого знания, в том числе юридической. Идея обращения к великим правовым традициям и к самой правовой системе Древнего Рима способствовала развитию правовой культуры общества на новых социально-экономических, политических, культурных условиях и осознанию необходимости и ценности права. В сложных правовых случаях даже суды обращались за советами на юридические факультеты, а мнение ученых учитывалось при вынесении судебных решений. Только в XVIII в. в ряде европейских государств появились запреты на обращения

судов на юридические факультеты. Постепенно стало складываться современное позитивное право, называемое иногда современным римским правом.

Отметим, что инородные влияния и прежде всего римского права также испытывала на себе и правовая система ВКЛ.

На этапе становления романо-германской правовой семьи на первый план выдвигаются принципы и нормы права – правила поведения, отвечающие требованиям буржуазной морали и справедливости. Основным источником права становится закон.

Следующий этап формирования романо-германской правовой семьи – кодификация законодательства, которая началась с принятия в 1804 г. Гражданского кодекса Франции, получившего с 1807 г. название Кодекс Наполеона. Он состоял из трех частей, повторявших структуру институций древнеримского юриста Гая (о лицах, о вещах, об обязательствах). Кодекс Наполеона был воспринят во многих странах Европы: Италии, Польше, Бельгии, Голландии, Люксембурге и др. Под сильным влиянием римского права оказался и германский Гражданский кодекс 1896 г. [16, с. 384].

Основным источником права в странах с утвердившейся романо-германской правовой системой становятся нормативные акты. Главенствующую роль среди них занимают законы – акты, принимаемые высшим представительным и законодательным органом. Высшей юридической силой среди законов обладают конституции. В качестве источника права здесь выступают также нормативные договоры и в ограниченной мере – правовые обычаи.

Правовые нормы в романо-германской правовой семье выступают в виде общих правил поведения, лишенных, как правило, казуистических деталей, что позволяет в максимальной мере избегать пробелов в законодательстве. Но поскольку они полностью не исключаются, суды вправе преодолевать обнаруживаемые пробелы путем применения закона или права по аналогии. Исключение составляют нормы, предусматривающие юридическую ответственность. Здесь действует принцип «нет правонарушения без прямого указания об этом в законе».

Романо-германская правовая семья, таким образом, характеризуется довольно четкой структурированностью самого права, делением его на частное и публичное, а также на отдельные отрасли и институты. Многие институты частного права до настоящего времени основываются на принципах римского права. Применяемая терминология, используемая юридическая техника, приемы толкования правовых норм также пришли из римского права. Характерной чертой этой семьи является широкое использование абстрактных юридических понятий и их дефиниций. Возрастает значимость кодификации законодательства по отдельным отраслям права.

В большинстве стран континентальной Европы судьи не обладают правом правотворчества; судебные решения не признаются источниками права. Конкретные юридические дела разрешаются на основе закона. В то же время суды имеют право толковать законы. На основе судебного толкования складывается определенная практика, которая находит выражение в сборниках судебных решений и справочниках. Это позволяет некоторым авторам считать ее источником права. Однако о судебном прецеденте в романо-германской правовой семье можно говорить лишь как о некотором исключении, не колеблющем принципа господства закона.

Правовой обычай в странах континентальной Европы, за редким исключением, потерял значение самостоятельного источника права. Тем не менее в исключительных случаях он может применяться как в дополнение к закону, так и наряду с законом (помимо закона).

В романо-германской правовой семье труды ученых-правоведов официально не признаются источником права. Однако сегодня, как и в прошлом, научные концепции (доктрины) фактически широко используются в законотворчестве и правоприменении. Законодатель всегда учитывает сложившиеся и обоснованные в юриспруденции идеи, а правоприменительные органы фактически опираются на доктринальную трактовку, научные комментарии норм законодательства.

Что касается белорусского права, то с точки зрения терминологии, юридической техники, юридических конструкций, структуры права, его источников, применения и толкования, роли судов, оно примыкает к романо-германской правовой семье.

Англосаксонская система права начала формироваться в Англии в XI в. и затем распространилась на ее колонии и доминионы. В семью входят правовые системы США, Канады, Северной Ирландии, Австралии, Новой Зеландии, а также 36 других государств – членов Британского содружества.

В государствах англосаксонской (нередко употребляется термин «англо-американская») правовой семьи основным источником права служат судебные прецеденты, т. е. содержащиеся в судебных решениях положения, признаваемые в качестве эталонов, правил, применяемых при решении аналогичных дел [17, с. 22].

Прецедентное право в его жесткой трактовке складывалось по мере формирования централизованной судебной системы. В Великобритании это Палата лордов, Апелляционный суд, Высокий суд, Судебный комитет Тайного Совета, окружные и магистратские суды. В качестве прецедентов выступают решения только более высоких судебных инстанций при соблюдении определенной их субординации. Решения высшей инстанции – Палаты лордов – являются обязательными для всех других судов. Апелляционный суд, состоящий из двух отделений (гражданского и уголовного), обязан применять прецеденты, сформулированные Палатой лордов, и свои собственные, а его прецедентные решения обязательны для всех нижестоящих судов. Высокий суд связан имеющими значение прецедентов решениями Палаты лордов и Апелляционного суда, а его прецедентные решения обязательны для всех нижестоящих судов. Окружные и магистратские суды обязаны следовать прецедентам всех вышестоящих судебных инстанций, а их собственные решения прецедентов не создают [17, с. 23].

Следует иметь в виду, что прецедентом является не все судебное решение, а сформулированное в нем принципиальное положение (*ratio decedendi*). При этом прецедентное правило носит императивный характер по принципу «дело решать так, как подобное дело было решено ранее». И это правило распространяется не только на нижестоящие суды, но и на те, которые ранее его приняли (исключения существуют лишь в отношении Палаты лордов в Великобритании и верховных судов США). Характерно также, что обязательное значение имеют лишь опубликованные прецедентные решения [17, с. 22].

Прецедентное право Великобритании в таком виде и на приведенных принципах сформировалось не сразу. Первоначально решения местных судов принимались на основе обычаев и традиций с участием присяжных заседателей, хорошо их знавших. Отсюда и название «обычное право». Начиная с XIII в. в противовес местным обычаям и принимаемым на их основе судебным решениям стала формироваться система прецедентов, состоявшая из решений королевских судов, называвшихся вестминстерскими (по месту, где они заседали). Эти прецеденты приобретали общегосударственную значимость, и состоящее из них право стало называться общим правом. И поэтому считается, что английское общее право представляет собой систему прецедентного права, создаваемого судами.

В XIV–XV вв. жесткие рамки многочисленных и нередко противоречивых судебных прецедентов стали сдерживать развитие экономических отношений. Интересы предпринимателей нуждались в более гибкой и справедливой защите. В связи с этим участники новых рыночных отношений стали обращаться через лорда-канцлера непосредственно к королю Англии с просьбой рассмотреть их споры «по совести и справедливости». Функцию рассмотрения таких дел стал брать на себя сам лорд-канцлер, выступая фактически в роли судьи. В результате наряду с общим правом начало складываться так называемое право справедливости, включавшее в себя прецедентные решения лорда-канцлера [16, с. 202–203].

В связи с тем что решениями лорда-канцлера создавалась хоть и новая, но все же известная система прецедентов, в 1873–1875 гг. в Англии была проведена реформа судопроизводства, в результате которой общее право и право справедливости объединились в единую систему прецедентного права. Таким образом, современное английское право продолжает оставаться в основном судебным правом, разрабатываемым судами в процессе решения конкретных дел.

Другим источником англосаксонского права являются статуты – законы, принимаемые высшими законодательными органами. Соотношение между статутным и прецедентным правом специфично. С одной стороны, статут может отменять действующие прецеденты, а с другой – реализуется в прецедентах. Более того, статут не считается действующим, пока не воплотится в прецедентах, т. е. пока на его основе не будут приняты судебные решения, имеющие прецедентное значение.

Наряду со статутами в странах с англосаксонской правовой системой источниками права являются акты так называемого делегированного законодательства органов исполнительной власти (президента, правительства, министров), а также нормативные акты местных органов

государственной власти. Нормы права в этих актах носят, как правило, казуистический характер и даже формулируются в виде прецедентов.

Значение источников права сохраняют также правовые обычаи, особенно в Великобритании, где отсутствует писаная конституция. Многие вопросы парламентской процедуры, формирования и взаимоотношений высших государственных органов регулируются обычаями.

Несмотря на развитие в Великобритании статутного права, прецедентное право сохраняет свое приоритетное значение. За многовековую деятельность парламента страны им было принято более 40 тыс. нормативных актов, составляющих около 50 томов. Ежегодно их количество увеличивается примерно на 80. В то же время существует около 300 тыс. действующих прецедентов. Поскольку положения судебных прецедентов более гибкие и менее абстрактные, чем нормы статутов, английское право в целом остается казуистичным. В этом свете различия между правом и законом в английской юриспруденции носят более понятный и конкретный характер, чем в догматах континентального права. Это обстоятельство имеет и практическую значимость в связи с возрастанием значения статутов среди источников английского права в современных условиях.

В английской правовой науке не только сама трактовка права, но и систематизация источников права, понимание его системы, да и юридический язык совершенно не те, что в юриспруденции романо-германской правовой семьи. Здесь отсутствует деление права на частное и публичное. Его заменяет деление права на общее, статутное и право справедливости. При этом все право является публичным. Нет также деления правовых норм на императивные и диспозитивные; все нормативные положения императивны. Отсутствует и четкое деление права на отрасли и институты, в связи с чем нет отраслевых кодексов.

Для США английское право долгое время оставалось главной моделью, но с некоторыми оговорками. Его принесли на Американский континент английские переселенцы, но применялось оно первоначально, как утверждалось, «в той мере, в какой его нормы соответствуют условиям колонии». Впоследствии война за независимость определила идею самостоятельного национального американского права, порывавшего с «английским прошлым». Первым решительным шагом в этом направлении было принятие федеральной Конституции 1787 г. и конституций штатов, вошедших в состав США. В ряде штатов были приняты кодексы (уголовные, уголовно-процессуальные, гражданско-процессуальные) и даже запрещены ссылки на английские судебные решения. Однако переход к романо-германской правовой системе так и не произошел.

Правовая система США в целом аналогична английскому общему праву. Одно из существенных различий связано с федеральной структурой государства. Наряду с наличием писаных конституций и в соответствии с ними штаты в пределах своей компетенции создают свое законодательство и свое прецедентное право. В связи с этим существует и расширяется массив статутного и общего права на уровне штатов. В ряде штатов различается общее право и право справедливости (в 10 штатах имеются даже специальные суды справедливости).

Принято считать, что в США существует 51 система права: 50 – в штатах и одна федеральная. В общей сложности в США ежегодно публикуют около 300 томов судебной практики. Кроме того, множество принимаемых законов, особенно в штатах, делают правовую систему США сложной и запутанной.

В преодолении этих трудностей велика роль высших судебных инстанций страны. Ни Верховный суд США, ни высшие судебные инстанции штатов не связаны судебными прецедентами, в том числе своими. Они обладают полномочиями осуществлять контроль за конституционностью законов. Широко пользуется этим правом Верховный суд США, чем подчеркивается самостоятельная роль судебной власти в системе разделенных властей. Таким образом, суды в США играют важную роль в формировании правовой системы как путем принятия правовых норм (судебных прецедентов), так и посредством конституционного контроля. Все это придает американским судам большую свободу в приспособлении права к постоянно изменяющимся экономическим и политическим условиям.

С усилением правотворческой деятельности законодательных органов в США все большее внимание уделяется систематизации законодательства в форме инкорпорации, кодификации, консолидации и его ревизии (официальная отмена актов, фактически утративших силу). В результате в статутном праве США действует немало кодексов, которые отсутствуют в английском праве.

В то же время в США, как и в Великобритании, сохраняется значение обычного права, особенно в сфере функционирования высших органов государственной власти. Соответствующие пробелы в Конституции США восполняются не только посредством текущего законодательства, но и путем фактического признания сложившихся обычаев (обыкновений) и традиций. Обычаи распространяются и в области регулирования имущественных отношений.

Итак, развитие гибкого статутного права при сохранении полномочий судов на создание судебных прецедентов, правовой дуализм, обусловленный федеральным устройством США и довольно широкое использование правовых обыкновений составляют специфику американского права.

Самой крупной из религиозных правовых систем является мусульманское право. Возникло оно как часть шариата – системы предписаний верующим в Аллаха – и представляет собой важнейший компонент исламской религии.

Сегодня на земном шаре насчитывается более 1 млрд 120 млн мусульман, 18 % из которых проживают в арабском мире. Согласно последним статистическим данным, в странах СНГ к исламу можно отнести 54 млн человек. В Беларуси проживает около 100 тыс. мусульман, образовано 25 мусульманских общин. В этом контексте «мэтазгодна адзначыць, што прасторавае дзеянне мусульманскага права не ідэнтычна геаграфічным межам краін з мусульманскім насельніцтвам. Справа ў тым, што існуюць нацыі і этнічныя групы, якія прызнаюць іслам у якасці рэлігіі, але яны не ўспрынялі мусульманскае права» [6, с. 45–46].

История мусульманского права начинается с пророка Мухаммеда, жившего с 570 по 632 г., который от имени Бога (Аллаха) адресовал основные правила поведения верующим мусульманам. Другая часть правил сложилась в результате жизнедеятельности и поведения самого Мухаммеда. Позднее и те и другие нашли отражение в первичных источниках мусульманской религии (ислам) – Коране и Сунне [6, с. 47].

После смерти Мухаммеда правотворческую деятельность продолжили его ближайшие сподвижники – «правоверные» халифы. Опираясь на Коран и Сунну, они формулировали новые правила поведения, соответствовавшие, на их взгляд, воле Аллаха и Мухаммеда.

В VIII–X вв. развитие мусульманского права происходило под влиянием исламских правоведов и судей. В этот период формируются главные ветви ислама, восполняются пробелы в его правовом воздействии на отношения верующих, на основе толкования Корана и Сунны создаются новые предписания. Однако к концу X в. мусульманское право канонизировалось и наступило время традиций, когда можно действовать только согласно сложившимся нормам и доктринам. Мусульманские судьи утратили право выносить решения по своему усмотрению [6, с. 47–48].

К XIII в. мусульманское право в результате возникновения в арабском мире различных политических систем фактически утратило свою целостность; становится полидоктринальным, разделенным на разные ветви (толки). Обязательность придерживаться той или иной доктрины стала устанавливаться государством, проводившим определенную правовую политику. Таким образом, единое наднациональное мусульманское право оказалось раздробленным и подчиненным национально-государственным интересам.

Со второй половины XIX в. в мусульманских странах началось активное заимствование романо-германского права. В настоящее время в некоторых из них (например, Турции) институты европейского континентального права практически вытеснили мусульманское право. В других странах (например, Египте, Сирии, Алжире) мусульманское право сохранилось лишь в некоторых сферах общественных отношений, включающих в основном семейные и имущественные связи. В то же время в ряде мусульманских стран (Иран, Пакистан, Ливия, Судан и др.) доминируют исламско-фундаменталистские тенденции, наблюдается расширение предмета регулирования мусульманского права даже в сфере административных и уголовных отношений [6, с. 51–52].

Мусульманская правовая система существенно отличается от европейских правовых систем фактически по всем аспектам: источникам, структуре, терминологии, трактовке нормы и т. д. Так, в отличие от правовой нормы как правила, установленного государственным правотворческим органом, правовая норма в исламской трактовке – это правило, адресованное мусульманской общине Аллахом. Такое правило как религиозную догму нельзя отменить или изменить. Оно должно исполняться бесспорно и беспрекословно. Нормы мусульманского права в отличие от норм европейских правовых систем не бывают управомочивающими или запрещающими. Они только обязывающие.

Источниками мусульманского права являются собрания религиозных (исламских) высказываний, преданий, описаний поступков, а также правил, сформулированных пророками, их наследниками-богословами и содержащихся в особых книгах и решениях богословов: Коране, Сунне, Иджме, Киясе.

Коран – священная книга всех мусульман, в которой содержатся высказывания Аллаха, общенные им Мухаммеду – последнему из его посланников и пророков. Эта книга состоит из 114 глав (сур), включающих в себя более 4 тыс. стихотворных фрагментов. Большинство из них посвящены вопросам исламской религии и нравственности, и лишь незначительная часть рассматривает вопросы правовых отношений. В силу этого Коран не стал для мусульманских юристов системным юридическим актом, подобным конституции, но является самым авторитетным источником исламского права.

Сунна – собрание преданий (адатов) о жизни, поступках, высказываниях пророка Мухаммеда и его ближайших сподвижников. В Сунне преобладают нравственно-религиозные положения, а собственно юридические предписания носят казуальный характер, отражают в основном поступки и оценки Мухаммеда. Положения Сунны истолкованы авторитетами ислама еще в конце первого тысячелетия и не подлежат толкованию судьями.

Иджма – нормативные положения, сформулированные исламскими правоведами как выражения представлений мусульманской общины. За основу признания правомерности данного источника взято утверждение самого Мухаммеда о том, что мусульманская община не может ошибаться. Но на самом деле от имени общины выступали наиболее авторитетные исламские теологи-юристы, трактовавшие Коран и Сунну.

Кияс – нормы (решения), сформулированные исламскими правоведами по аналогии. Если в западных странах подобные решения не считаются самостоятельными источниками права, то в исламских государствах решения по аналогии приобретают особое нормативное значение, поскольку представляют собой религиозные идеи, имеющие неоспоримый и вневременной характер [6, с. 48–49].

Наряду с названными первичными источниками мусульманского права в современных исламских странах все шире используются вторичные источники – нормативные правовые акты, в том числе законы, в которых могут содержаться нормы, не только дополняющие, но и конкретизирующие религиозные правовые источники. Это касается, например, ограничения брачного возраста совершеннолетием, отказа от калыма (выкуп невесты), допущения спекулятивных и ссудно-кредитных операций. В связи с этим высказываются различные мнения о том, является ли закон источником (формой) мусульманского права в собственном смысле слова [18, с. 528].

Таким образом, решающую роль в формировании мусульманского права сыграла религиозно-правовая доктрина. Коран и Сунна не содержат в достаточном количестве конкретных правил поведения, и мусульманские ученые-правоведы не только конкретизировали положения этих священных писаний, но и восполняли пробелы, приспособляли содержащиеся в них эпизодические суждения к изменявшимся условиям.

Правовой обычай в исламских странах играет незначительную роль. Правоведы-исламисты даже не рассматривают его в качестве источника права. Однако, когда какие-либо отношения оказываются не урегулированными религиозными нормами или законом, обычай может оказывать на них регулирующее воздействие. Характерно, что в мусульманских странах наряду с религиозными судами (кади) функционируют и другие типы судов, применяющие законодательные акты и обычаи.

Своеобразна и система (структура) мусульманского права. Оно не подразделяется на частное и публичное право, как в романо-германской правовой семье, или на общее право и право справедливости, как в странах англосаксонской семьи. Здесь сложились иные принципы интеграции религиозных правовых норм в связи с расколом самого ислама на два основных течения: суннитское и шиитское. Соответственно и правовые школы (толки) разделились на два течения, причем в рамках каждого из них существует до 20 школ. Таким образом, приспособляясь к конкретным историческим условиям в разных странах, мусульманское право фактически утратило свою целостность.

Наряду с разделением на различные течения и школы (толки) в мусульманском праве наблюдается интеграция однородных норм в определенные блоки, напоминающие отрасли права

в романо-германской правовой семье. В частности, существуют такие отрасли, как право личного статуса, нормы которого регулируют семейные, наследственные и некоторые другие личные отношения; деликтное (уголовное) право, предусматривающее меры уголовно-правовой ответственности; отрасль так называемых властных норм, т. е. государственного и административного права; гражданское право (муамалат), регулирующее отношения собственности и ее отчуждения.

В настоящее время относительно перспектив развития мусульманского права высказываются нередко прямо противоположные суждения: от признания непреодолимого влияния на него европейских правовых систем до отрицания сколько-нибудь серьезного значения такого влияния (вестернизации). Следует, однако, полагать, что, несмотря на значительное влияние на мусульманское право европейских правовых систем, оно «застаеца самастойнай прававой сям'ёй, якая аказвае сур'ёзнае ўздзеянне на мільённыя масы людзей ва ўсіх рэгіёнах свету» [6, с. 53]. Проблема здесь заключается в том, чтобы ее регулятивное воздействие не приобрело крайне фундаменталистский, антигуманный характер.

Таким образом, становление современного права – это длительный исторический процесс, начавшийся еще в раннем Средневековье. Он протекал эволюционно и более плавно, чем соответствующие процессы в сфере политической жизни, где они нередко принимали форму общественных катаклизмов. Историко-культурные корни современного права складывались на почве рецепированного римского права, городского и канонического права, обычаев, первичных источников ислама, международного торгового права и были достаточно глубокими и прочными.

По-видимому, можно согласиться с утверждением о том, что понятие «правовая система» используется в теории права и для того, чтобы охарактеризовать историко-правовые, религиозные, этнокультурные и другие отличительные факторы, оказывающие влияние на формирование системы права того или другого государства. Следовательно, плюрализм правовых систем (семей) – объективная реальность правового развития социума. Между ними нет резкого размежевания: идет постоянный процесс взаимообмена и взаимовлияния, что, однако, не говорит об элиминации культурно-исторических границ основных правовых цивилизаций.

И хотя выделение правовых систем имеет преимущественно историческое значение, однако их знание позволяет ориентироваться в конкретных юридических явлениях, тем не менее разумно использовать зарубежный опыт, улавливать и понимать общие тенденции правового развития государственно организованного общества, обогащать свою правовую и политическую культуру.

Список использованных источников

1. Егоров, А.В. Основы сравнительного правоведения : учеб. пособие / А.В. Егоров. – Новополоцк : ПГУ, 1999. – 176 с.
2. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид. – М. : Прогресс, 1988. – 496 с.
3. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В.А. Туманова. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 400 с.
4. Василевич, Г.А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина / Г. А. Василевич. – 2-е изд., доп. – Минск : Тесей, 2008. – 218 с.
5. Вишневский, А.Ф. Международное право как фактор сближения правовых систем современности / А.Ф. Вишневский, В.А. Кучинский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 2. – С. 171–178.
6. Вішнеўскі, А.Ф. Да праблемы эвалюцыі крыніц мусульманскага права / А.Ф. Вішнеўскі // Істочнікі права : праблемы тэорыі і практыкі : матэрыялы респ. навуц.-практ. конф., Минск, 27 февр. 2013 г. – Минск, 2013. – С. 45–54.
7. Зыбайло, А.И. Реализация международного права: понятие, формы, особенности / А.И. Зыбайло // Журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2014. – № 3. – С. 3–9.
8. Егоров, А.В. Теория сравнительного правоведения / А.В. Егоров. – М. : Проспект, 2019. – 287 с.
9. Егоров, А.В. Белорусская правовая система на современной юридической карте мира / А.В. Егоров. – Киев, Львов : ЛУВС, 2012. – 34 с.
10. Сільчанка, М.У. Тэорыя крыніц беларускага права : манаграфія / М.У. Сільчанка. – Гродна : ГрДУ, 2012. – 253 с.
11. Карбонье, Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье. – М. : Прогресс, 1986. – 350 с.
12. Агульная тэорыя права : навуц. дапам. / пад рэд. М.У. Сільчанкі. – Гродна : ГрДУ, 2004. – 298 с.
13. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства : учеб. для юрид. вузов и фак. / В.С. Нерсисянц. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 552 с.

14. Дробязко, С.Г. Право как система и его закономерности / С.Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 1999. – Вып. 10. – С. 3–16.
15. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира / А.Х. Саидов. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1993. – 148 с.
16. Аннерс, Э. История европейского права (пер. со швед.) / Э. Аннерс. – М. : Наука, 1996. – 395 с.
17. Вишневский, А.Ф. Следует ли судебный прецедент в его широкой трактовке относить к источникам белорусского права? / А.Ф. Вишневский, В.А. Кучинский // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований ; Ин-т правовых исслед. – Минск, 2018. – Вып. 13. – С. 18–30.
18. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и фак. / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М. : ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – 570 с.

Дата поступления в редакцию: 01.03.21

A.F. Vishnevsky, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor at the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; M.A. Pashkeev, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THEORETICAL LEGAL SCIENCE OF THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF LEGAL SYSTEMS

On the basis of a brief historiographical review and understanding of the problem of the concept and classification of modern legal systems in theoretical legal science, attention is drawn to the need to distinguish between the “legal system” and the “system of law” both in terms of content and significance in the legal regulation of public relations. The article considers the main features of not all legal systems (families), but only the largest ones: Romano-Germanic and Anglo-Saxon, as well as Muslim law, which is part of the family of religious and traditional law. The conclusion is made that at present, in the context of globalization, there is a constant process of mutual exchange and influence between legal systems (families), which, however, is not evidence of the elimination of the cultural and historical boundaries of the main legal civilizations.

Keywords: legal system, legal system, law, judicial precedent, reception.

УДК 351.746.1

*О.Г. Машаров, первый заместитель начальника Института пограничной службы Республики Беларусь
(e-mail: oondips@mail.ru)*

ПРОГРАММА ОБУСТРОЙСТВА ВНЕШНЕЙ ГРАНИЦЫ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА НА ПЕРИОД 2002–2005 гг.

Рассматривается процесс становления и развития сотрудничества Беларуси и России в вопросах, связанных с охраной Государственной границы Республики Беларусь (пограничных вопросах). Анализируется подготовка, содержание, финансирование и результаты белорусско-российской программы, направленной на обустройство внешних границ Союзного государства в 2002–2005 гг. Показан сложный процесс двустороннего согласования новых подходов при разработке документа. Сделан вывод о том, что программа стала основой белорусско-российского сотрудничества по пограничным вопросам. Акцентируется внимание на том, что реализация данной программы позволила обеспечить защиту Союзного государства от внешних угроз, повысила его безопасность, защищенность от проникновения контрабанды, оружия, наркотиков и незаконных мигрантов.

Ключевые слова: Республика Беларусь, Российская Федерация, государственная граница, Союзное государство, белорусско-российское сотрудничество, пограничные вопросы.

После подписания Беларусью и Россией Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. на повестку дня стал вопрос о более тесном интеграционном сотрудничестве двух государств. Данная тенденция нашла отражение в «Программе действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства», которая предусматривала осуществление согласованной пограничной политики, разработку и реализацию совместных программ по пограничным вопросам.